

И вновь по весне утешается сердце мое

Тору Мотидзуки

После возвращения Яреци прошла уже пара недель, и Тору, наконец, утолившись их, так долго не хватавшим ему, полноценным общением, потихоньку начал обращать внимание на то, что происходит вокруг. И первым, что он с удивлением обнаружил, стала полностью вошедшая в свои права весна. И хотя с ее наступления прошел уже целый месяц, Мотидзуки только сейчас почувствовал, как изменился ветер, уже не царапающий лицо холодом, а приятно ласкающий кожу первым еще не устоявшимся теплом, увидел что-то действительно похожее на солнце, а не на замороженный яичный желток и ощутил новые запахи, которые не смогли скрыться даже в насыщенном воздухе большого города.

Но вместе с ощущением тихого счастья, пришедшего не столько благодаря пробуждающейся природе, сколько из-за одного необыкновенного существа, ставшего частью его жизни, его все чаще начала посещать легкая грусть, причину которой он так и не мог определить. Тору чувствовал, что его сердце опять чего-то ищет, но это была не любовь, забота или домашний уют, которых ему сейчас хватало с избытком, а что-то невесомое, напомнившее о себе во время их последнего с Яреци разговора о Японии и так и не и исчезнувшее, несмотря на все его старания.

В этот день Тору проснулся около шести часов утра, хотя и у него, и у Яреци был выходной, позволяющий подольше поваляться в постели. Девушка еще мирно спала, и он не стал ее будить, тихо встав с кровати и позволив себе только осторожно коснуться губами ее щеки, поскольку никак не отреагировать на ее умильное во время сна лицо было просто невозможно. Сначала, после того, как одеться и умыться, он хотел отправиться на кухню и сварить себе кофе, но потом передумал, усевшись за свой рабочий стол, заваленный книгами и листами бумаги, окинул его взглядом и задумался. Иностранцы считали японцев очень аккуратной нацией, и, вспоминая, как выглядели идеально чистые комнаты его родных, Тору был склонен с этим согласиться. Но он и здесь умудрился отличиться, создавая вещевой хаос везде, где бы ни жил и окончательно не устраивая в квартире бардак только благодаря стараниям Яреци. Как до этого бывшей жены, матери и, недолгое время, бабушки...

Пока он размышлял, пальцы непроизвольно нащупали один из валяющихся неподалеку листов бумаги и начали складывать кораблик, что Тору обнаружил, когда работа была выполнена практически до середины. Сначала он удивился, а затем хмыкнул, вспоминая, что именно такие кораблики в детстве научила его делать бабушка, и их регулярный запуск каждую весну стал их небольшой общей тайной.

Сначала Тору хотел выбросить дурацкий лист бумаги в сторону, но потом передумал и закончил свою работу, с сожалением обнаруживая, что она заняла совсем немного времени, и стрелки часов, словно заколдованные, практически не

сдвинулись с места. Остаться в квартире и дальше, вместе со всеми мыслями и воспоминаниями, делающими ее совсем маленькой и давящей, становилось все труднее, и Тору решил выйти на улицу и немного подышать воздухом, для чего надел ботинки, накинул сверху куртку и, после некоторых колебаний, сунул кораблик в ее карман, в который тот поместился не полностью, немного вылезая наружу. Пока он и сам не знал, куда его понесут ноги, и что он будет там делать, но надеялся вернуться еще до пробуждения Яреци, чтобы не напугать ее своим отсутствием.

Яреци Фернандез

Неделя выдалась напряженной, и Яреци в свой выходной решила выспаться, а потом прогуляться с Тору и показать ему замечательное место, Воробьевы горы. Там и горы, и набережная, и прогулочные тропинки. А потом заняться работой по дому, что-нибудь приготовить и посмотреть с Тору фильм или прочитать какую-нибудь книгу. А завтра, в воскресенье, заняться уроками и уборкой.

А еще надо поговорить на тему поездки группы во Францию на экскурсии на несколько дней. Она хочет туда поехать, но не знает как Тору отнесется к этому. Она не хотела его бросать, даже на несколько дней, чувствуя, что ему будет плохо и одиноко. К тому же эта поездка не повлияет ни на что, просто для общего развития. Но все ее друзья едут, а она не знает, поедет ли...

Она проснулась от ощущения холода. Пошарила рукой по кровати и не обнаружила Тору. Нахмурилась и открыла глаза. Подушка еще сохранила форму головы лежащего на ней человека, но простыня уже была холодной, что говорило о том, что Тору ушел несколько минут назад. Она села на кровати, зевнула и посмотрела по сторонам. Принюхалась, но никаких посторонних запахов не было, и она нахмурилась. В коридоре скрипнул пол. Она выгнула бровь и встала с кровати. Взяла со стула легкий шелковый халатик, который прикрыв ее наготу, но не смог укрыть от холода. Тихо вышла из комнаты и увидела Тору, который открывал входную дверь.

- Доброе утро. У тебя выходной сорвался? У тебя сегодня семинар? Ты почему меня не разбудил? Почему не позавтракал? - она подошла к нему и прислонила ладонь к его щеке. Заметила что-то в кармане его куртки. Какой-то белый лист, сложенный углом. Сначала хотела его достать, но потом решила, что это может быть что-то личное. - Может тебе бутерброды сделать, ты там перекусишь?

Тору Мотидзуки

Не успел он открыть дверь и выйти из квартиры, как был обнаружен на "месте преступления", проснувшейся раньше времени Яреци. Увидев, что он тихонько пытается улизнуть, девушка сделала свои выводы, посчитав, что у него пропал выходной, чем вызвала у него некоторое смущение и рефлекторное движение руки, пытающейся скрыть от нее торчащий из кармана кораблик. Собственное поведение показалось Тору настолько детским, что, возникшее чувство стыда, мешало ему признаться в собственном желании найти что-нибудь хоть как-то напоминающее водоем и запустить этот кораблик, как его когда-то научила бабушка. Поэтому на вопросы Яри он начал отвечать уклончиво, вероятно, порождая этим какие-то подозрения.

- Мм... Доброе утро. Нет, не сорвался. Я... просто хотел немного подышать воздухом пока ты спишь. Не переживай, я не голоден. Лучше поешь сама.

Пытаясь объяснить, куда он собрался в такое время, Тору чувствовал себя очень глупо. Сейчас он казался себе похожим на школьника, которого поймали за тем, что он втихаря пытался исправить свои оценки. Наверное, проще было сразу сказать правду, не провоцируя недоразумений, но как это бывает, если не сделал этого сразу, потом трудно переключиться и перестать оправдываться в несуществующих грехах. Да еще и этот кораблик, который он так некстати решил захватить с собой. И если мнение незнакомых людей по поводу его поведения Тору ни капли не волновало, то возможная реакция Яреци, перед которой он хотел выглядеть сильным и мужественным, на его не слишком взрослые планы, заставляла продолжать смущаться и чувствовать, будто он хотел сделать что-то дурное.

Яреци Фернандез

Она внимательно смотрела на него и ловила себя на мысли, что губы растягиваются в улыбке. Его такое выражение лица, какое бывает у школьника, которого поймали на месте преступления, напомнило ей ту очень давнюю встречу, когда она случайно увидела, как он пытается зашить свою куртку на веранде. Тогда у него было такое же выражение лица. А сейчас его рука рефлекторно потянулась к этому уголку бумаги, который торчал из кармана куртки.

- Просто подышать воздухом? В такую рань? Балкон тебя не устраивает? - Возмущенно сказала девушка, отходя от него на шаг и нахмурившись. - Что-то у тебя случилось? Может быть, раз ты не хочешь завтракать, подождешь меня? Я сейчас умоюсь и оденусь, и мы вместе пойдем дышать воздухом. Хорошо?

Но она пока не уходила, продолжая стоять рядом с ним, на небольшом расстоянии от него. Хотелось поговорить, но она не знала, о чём говорить и что сказать, чтобы вытащить из него что-то, чтобы при этом он не понял, что она навязывается. Она не хотела навязываться, она хотела, чтобы он не грустил. Сейчас он был грустным. У него что-то случилось?

- Не хочешь хотя бы выпить кофе? Я сварю вкусный кофе... - она посмотрела на него.

Тору Мотидзуки

Несмотря на все попытки сохранить лицо, улыбка Яреци показала, что получается у него это не слишком успешно. Но Тору упорно продолжал делать вид, что все было так и задумано, выдавая не самые логичные ответы на ее прямые вопросы.

- Балкон? Ах, да. Там же тоже можно проветриться. Я об этом просто не подумал. А еще ноги. Да, мне хотелось размять ноги. Вот, совсем затекли. Наверное спал в неудобном положении. А так, что у меня могло за ночь случиться? Все хорошо.

Чем больше Тору говорил, тем глупее себя чувствовал. И если бы не ощутимая внешняя разница, то можно было бы и задуматься, кто из них сейчас на самом деле старше. Понимая, что деваться ему больше некуда, Тору снял куртку и повесил ее на вешалку так, чтобы левый карман с корабликом не был виден. Собственно, он

был рад прогуляться с Яреци, но сейчас ему следовало быстро перенастроиться с одной волны на совершенно другую. И, пожалуй, в этом ему могло помочь обещанное девушкой кофе.

- Да, спасибо. Пожалуй, кофе - это то, что нужно. - Тору нагнулся, чтобы снять ботинки, случайно задел куртку и, по закону подлости, скрываемый карман тут же опять стал виден, привлекая внимание к себе торчащим из него белым бумажным уголком.

Разве что не ругаясь вслух, Тору снова ухватился за куртку, чтобы вернуть все в изначальное положение, и с опаской посмотрел на Яреци. Судя по всему, она должна была либо постепенно начинать смеяться над ним в голос, либо думать, не пора ли его сдать в заведение для умалишенных. И пока он не мог с точностью сказать, который из этих вариантов смущает его больше.

Яреци Фернандез

- Если вот это безобразие ты считаешь хорошим, то я... китайский император, ага, - девушка хотела быть серьезной, но Тору делал все возможное, чтобы она засмеялась. Возможно, он не хотел этого, вероятно он действительно хотел побыть один, а она его смутила своим неожиданным появлением. Может быть надо было просто делать вид, что она спит, а потом просто следить за ним, играя в детектива, как это было в детстве, когда они с девочками следили за мальчишками, а те, в свою очередь, делали вид, что не видели этого. А может и не делали.

Он снял куртку и ботинки. Но этот пресловутый уголок бумаги, торчащий из кармана, все никак не давал ей покоя. Что это может быть? Сложен очень интересно. Она потянулась к карману, но случайно коснулась руки Тору и резко отдернула свою руку. Густо покраснела. Не из-за возможного его ворчания или чего-то подобного, а из-за того, что нарушила принципы, которые придумала себе еще в детстве - никогда не лезть в чужое личное пространство. Этот листок бумаги был чужим личным пространством. И, судя по тому, как Тору на нее смотрит, это было что-то совсем личное, о чем он вообще не хочет говорить.

- Хорошо. Я сейчас сделаю кофе. А потом... ты можешь пройтись. Я пойду с тобой, но не буду тебе мешать, если ты захочешь побыть один. Не отказывайся, я не буду к тебе приставать. И... - она поставила турку на плиту. Вернулась в коридор. Посмотрела на него и слабо и застенчиво улыбнулась, заглянув в его глаза, такие родные и любимые. - Твои слабости останутся твоими. Мы же люди, у всех есть право на личное пространство и слабости...

На кухне послышалось шипение, а потом почувствовался отчетливый запах пригоревшего кофе..

Тору Мотидзуки

Очередное появление на свет бумажного уголка не могло остаться незамеченным. Но, надо отдать должное Яреци, хоть она и очень хотела посмотреть, что это такое, в последний момент ей удалось сдержаться и проявить уважение к его праву на небольшие секреты. Немного успокоившись, Тору проследил за тем, как девушка скрывается на кухне, и на пару минут заглянул в ванную, чтобы помыть руки.

Не успел он выйти, как Яри снова появилась в коридоре и начала рассуждать о ближайших планах и его слабостях. И все могло бы закончиться достаточно просто и без затей, если бы не одно "но". Подобные вещи не подходили для их странной пары. Вот и сейчас слова девушки были прерваны характерным шипением, заставляющим Тору вспомнить о своей хваленной реакции и вперед нее броситься на кухню.

- Мда... - проговорил он, снимая турку с залитой конфорки и отставляя ее с сторону.
- Может лучше купим кофе по дороге? - Вся эта ситуация показалась ему настолько безумной и забавной одновременно, что он не выдержал и рассмеялся. - Ох, Яри. И как же земля таких чудачков, как мы, носит?

Тору снова вышел в коридор, по дороге чмокнув Яреци в щеку, после небольших колебаний вытащил кораблик из кармана и вернулся к девушке, демонстрируя, что из себя на самом деле представляет предмет ее любопытства.

- Это кораблик. Да, я понимаю, что глупо. Но я вот тут вспомнил свое детство, и то, как бабушка учила меня складывать и запускать по весне кораблики и подумал... - Тору ненадолго замолчал. - В общем, я хотел поискать, где его можно запустить.

Произнося последние слова, Мотидзуки опустил глаза, старательно изучая пол. Не то, чтобы его желания были какими-то страшными или странными. Просто он и запуск корабликов? Для девяносто девяти процентов его знакомых они не могли иметь ничего общего.

Яреци Фернандез

- А заодно и позавтракаем, - вздохнула она, глядя на растёкшийся кофе. Первой мыслью было сразу протереть плиту, чтобы не осталось застоявшихся пятен, которые очень тяжело будет отмыть, если они засохнут. И если бы это была полностью их квартира, то можно было бы и отложить мытье на неопределённый срок. Но так как они снимали квартиру, то девушка считала это все недопустимым.

А потому срочно решила хотя бы немного навести порядок. Но обожглась, прислонившись случайно запястьем к конфорке, и вскрикнула. Нет, кажется, сегодня не место и не время для этого. Надо пойти прогуляться. Хорошо, что Тору сейчас вышел из кухни в коридор и, она сильно надеялась, не слышал этот вскрик. Ну как вскрик - не громкий, конечно, просто неожиданный. Запястье болело, а на коже стало проявляться красное пятно, которое никак нельзя было закрыть рукавом халата.

Тору отвлек её, и она повернулась к нему и спрятала руки за спину, надеясь, что он не обратит на это внимания, и посмотрела на бумажный кораблик. Старый добрый бумажный кораблик, такой же, как и она когда-то делала. Давно-давно. Старая добрая традиция на территории школы, когда снег таял, и по образовавшимся ручейкам дети пускали и кораблики, и спичечные коробки, и какие-то деревяшки. А потом дворник ходил и ругался на то, что детям даётся слишком много свободы.

- Почему глупо? Это... это мило... - сказала девушка. - Я не думала, что ты тоже этим занимался, но... да, пожалуй, это мило. Мне кажется, я знаю место, где его можно

запустить.

Она внимательно посмотрела на него, изучая каждую чётточку его смущённого лица, и слабо улыбнулась. Когда он смущался, то выглядел очень милым, и его прям хотелось обнять и утешить. Что она и сделала. Обняла и поцеловала в щёку. Потом попросила его подождать немного и скрылась в спальне, думая, что надеть на себя для этой прогулки.

Тору Мотидзуки

На слова Яреци Тору только вздохнул. Вполне себе зрелый мужчина, занимающийся какой-то детской ерундой, ему самому милым не казался, но он вполне допускал, что у девушки может быть на этот счет совсем другое мнение. И, наверное, ему уже было пора начинать спокойнее относиться к тому, что она постепенно узнает о его все новых слабостях. Ведь в том и заключалось отличие любимых людей от других, что рядом с ними можно было не пытаться всегда быть сильным, просто оставаясь собой.

Когда Яри его обняла и поцеловала в щеку, Тору задумался, а не слишком ли рано он выбрался из кровати, и не стоило ли провести утро долгожданного выходного с большей пользой. Но отступать было уже поздно. Девушка решительно направилась в комнату, чтобы надеть на себя что-то посерьезнее шелкового халатика, который, по мнению Тору, ей очень шел, особенно, когда был одет на голое тело. А ему ничего не оставалось, как скромно ждать ее в коридоре, вернув кораблик в карман, из которого он его недавно вытащил. Мотидзуки не знал, о каком месте говорила Яреци, называя его подходящим для запуска бумажного продукта его трудов, но полностью доверял ее выбору. В конце концов он был в этом городе гостем, а потому собирался полностью положиться на своего прекрасного прекрасного проводника, который, к слову, мог бы собираться и немного быстрее.

Пока Тору дожидался Яреци, он рассовал по своим многочисленным карманам все необходимое, надел ботинки и приготовился в любой момент накинуть куртку и направиться к выходу. Что он и сделал, как только Яри, наконец, появилась на пороге комнаты. Раз уж сегодняшнее утро оказалось достаточно насыщенным на события, не стоило задерживаться и мешать им развиваться и дальше.

Яреци Фернандез

Он не заметил ожог на запястье, и это было прекрасно. Это было лучше, чем прекрасно, так как она уже себе напридумывала дальнейшие события, их разворот, если бы он это заметил. Наверное, он бы отложил на какое-то время поход к ручью, чтобы запустить кораблик, отправил бы её в кровать... нет, это из другого сюжета. Она снова покраснела и облегчённо выдохнула, вспомнив, что в спальне находится одна. Чёрт, нужно учиться не краснеть от этих мыслей. Надо будет посоветоваться с наставницей. Хотя нет, лучше ни с кем не советоваться, а просто стараться не краснеть. Это сложно, но невыполнимых заданий мало.

А пока она думала, какой джемпер надеть - красный или синий. И думала бы ещё дольше, если бы не возня в коридоре и вздох человека, которому уже год назад сказали "подождать" и не вернулись. Ну что поделать - это мужчинам хорошо - оделся и не паришься, что джемпер по цвету не подходит к ботинкам или сумочке. А

приличная девушка всегда заботится об этом. И даже если идёт гулять в парк.

Одевшись в джинсы и синий джемпер, девушка покинула спальню и подошла к Тору. Судя по всему, она собиралась долго, хотя рассвет так и не наступил, что говорило о том, что собиралась она не так долго, как ожидала. Это радовало. Она надела кроссовки и куртку, повязала вокруг шеи шарф и вышла из квартиры, увлекая Тору за собой.

Утренняя Москва в столь раннее время пустынна. Особенно в выходной. День сегодня обещал быть ясным и относительно тёплым, о чём говорило ясное синее небо. Девушка посмотрела на него. Пока говорить ничего не хотелось, но она пыталась придумать, как разрядить обстановку. Тору выглядел смущённым, видимо он не привык показывать свои маленькие слабости. Вероятно, действительно надо было ей сделать вид, что она спит, оставив его одного. Сейчас ручейков много, и кораблик, наверное, можно будет запустить во дворе.

- Пройдёмся пешком? Идти не очень близко, но вот на набережной очень интересно. или ты хочешь на метро поехать? Я тебя как раз сегодня хотела отвезти на Ленинские горы, это очень интересное место. Небольшой лес в центре города. Там очень много тропинок, даже есть родник с ледяной водой. Не такой ледяной, как в монастыре, но очень хорошо этой водой умываться летом в жару. И зимой родник не замерзает.

Она сама мало что знала про Воробьёвы горы, и решила после прогулки почитать об этом месте, чтобы потом рассказать Тору, хотя не была до конца уверена, что он это запомнит или ему это когда-то пригодится.

Они дошли до набережной. Здесь было прохладней, на реке всегда гуляет ветер. Она вздрогнула, вспомнив, как в позапрошлом месяце билась в истерику на пристани, и хмыкнула. Не стоит лишний раз беречь свою память.

- Вот. Набережная... я люблю гулять по набережным, мне вообще нравится всё, что связано с водой... мне родители рассказывали, что я рано научилась плавать - в полтора года. Просто свалилась в бассейн с бортика. И всплыла... родители и все, конечно, были в шоке, но... мне понравилось. Я этого не помню, но папа рассказывал, что очень сильно хотела вернуться в бассейн... и постоянно убегала к тому бассейну... - Она замолчала и решила снова извиниться за излишнюю болтовню, но ведь когда-то надо будет измениться. Так почему не сделать этого сейчас?

- А потом меня начали преследовать голоса. Я думала, что сойду с ума, и папа случайно нашёл информацию про этот монастырь. Ну а дальше ты знаешь... Тору, ты веришь в судьбу? - Она замолчала и на некоторое время отвернула голову, глядя на беспокойную поверхность реки и думая, зачем вообще всё это говорила. Обещала ведь не мешать своим присутствием. И как всегда всё испортила...

Тору Мотидзуки

Из квартиры Яреци, в итоге, выскочила первая, да еще и потащила его следом, будто это она его ждала, пока он там решал, надеть ему куртку или... куртку. И,

следуя за ней, Тору повод в очередной раз порадоваться, что он родился мужчиной, и проблема подбора соответствующего гардероба стоит перед ним только в определенные моменты, а уж никак не каждый день.

На предложение девушки идти пешком он ответил согласием, отвергая вариант с общественным транспортом, как плохо вяжущийся с общей атмосферой сонного весеннего утра. Собственно, Тору был готов двигаться в любом направлении, поскольку до сих пор практически не ориентировался в городе, зная только несколько "протоптанных" дорог. Так что каждый второй закоулок мог стать для него чем-то вроде местной достопримечательности, на которую, при наличии свободного времени, можно и посмотреть.

Постепенно они добрались до хорошо знакомой набережной, ассоциирующейся у Тору с не самыми приятными моментами в их отношениях, так что на слова девушки он просто не мог не ответить едким комментарием.

- Да уж, я теперь никогда не забуду о твоей любви к набережным. Хотя, люби ты какие-нибудь подвальные помещения, все могло быть еще хуже.

На рассказ Яреци о ее первом опыте, как пловца, Тору только печально покачал головой. Чем больше он узнавал о детстве девушки, тем больше проникался уважением и сочувствием к ее отцу. И судя по чудесам, которые творила его маленькая и, официально, тихая и скромная дочурка, просветление он должен был обрести еще до того, как она подошла к школьному возрасту.

- В судьбу? - Тору ненадолго задумался, пытаясь найти ответ на непростой вопрос. - Даже и не знаю. В юности мне всегда казалось, что я сам весь такой бунтарь и могу жить так, как считаю нужным. Захотел - отказался от семейного бизнеса, а потом и от карьеры преподавателя в Токийском университете и, в конце концов, от семьи и от самой Японии... А вот от тебя отказаться не смог, даже когда считал, что наши отношения невозможны. - Тору остановился и внимательно посмотрел на Яреци, словно пытаясь понять, почему же она стала важнее, чем что бы то ни было и кто бы то ни был в его жизни. - И сейчас я начинаю задумываться, а что если моя судьба как раз и заключалась в том, чтобы не попасть в простые и понятные ловушки, расставляемые самой жизнью и обещающие комфортное существование, и, в итоге, найти тебя...

Яреци Фернандез

Тору едко прокомментировал ее слова про любовь к набережным, и она вздохнула и опустила голову, будто провинившийся котенок. Ведь это было совпадение, она же могла побежать не на набережную... что бы тогда могло случиться? Может, это тоже и есть судьба? Она побежала туда, где Тору с легкостью мог ее найти. В другом месте он бы ее не нашел. Потому что мест много...

- Я же нормальный человек, зачем мне любить какие-то подвалы? Или я похожа на извращенца, то есть извращенку? - не удержалась и она от комментария, показав любимому язык и забавно фыркнув.

Яреци очень мало знала о его прошлом. Только то, что он развёлся с женой,

поссорился с тестем и стал скитаться по восточным странам, пытаясь найти что-то. Ей этого было достаточно знать, но, кажется, своим вопросом про судьбу она в очередной раз растревожила его прошлое. Он говорил нормальным тоном, без ноток грусти, печали, как будто это было нормально. Но она не считала такие события жизни нормальными. Ей казалось, что в жизни нет ничего важнее родителей и семьи. Она ценила свою семью, она по-своему любила своих родственников, даже того же Маркуса, хотя вот его видеть в своей жизни она не желала, она старалась иногда связываться с бабушками и дедушками, разговаривать с ними. А вот Тору взял и отказался от всего этого. Просто... зачем? Или нитями судьбы предначертан наш путь от самого рождения до смерти? И как ни старайся, то всё равно будет так, как уже задумано высшими силами, а не так, как мы хотим? Может быть, им сверху было предначертано встретиться на территории таинственного загадочного монастыря? И больше никогда не расставаться?

Некоторое время они стояли молча. Девушка облокотилась о перила и посмотрела на воду. Она никогда не хотела быть стихийным магом, она почти не понимала воду, знала только, что рядом с водой ей становится чуточку легче. Может быть поэтому та пристань и стала её самым излюбленным местом?

Занимался рассвет, и девушка прикрыла глаза, когда ласковый луч восходящего солнца коснулся её лица. Если бы она была кошкой, то, наверное, заурчала от удовольствия. Но у неё, возможно, не было способностей к оборотничеству, эта способность ей казалась какой-то ужасной и совсем неправильной, выбивающейся за рамки привычного мира. Хотя то, что творилось в монастыре, нельзя назвать привычным и нормальным...

- Это, наверное, глупо, но я... после той встречи у дуба... постоянно думала о тебе. Я честно пыталась тебе не попадаться на глаза, думала, что в таком большом монастыре это сделать просто, но... мы всегда пересекались. Я иногда вспоминаю те разговоры... и часто думаю, что, вероятно, надо было тогда просто уйти, когда ты на меня чуть не натолкнулся. А потом... я в тебя втю... влюбилась, а ты когда провожал меня, вероятно это понял. Я очень надеялась, что мне здесь удастся забыть тебя, забыть монастырь, всё, что было с ним связано. Я не планировала туда возвращаться. Я хотела быть ближе к маме и папе, созваниваться с прабабушкой... но... это, наверное, судьба? Судьба подстроила нам такую ловушку. Ты получил травму в горах, а я... мне снились странные сны. Ну а потом... я никогда не думала, что мне будет настолько плохо и одиноко без тебя...

Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, и слабо улыбнулась уголками губ.

- Ладно, пойдём дальше. Ты не голоден? Тут осталось недалеко идти. Если подняться туда, - он показала направо, - будет территория МГУ, там есть очень красивая смотровая площадка. Мы находимся почти под ней. Там есть какие-то кафе. А слева, на другой стороне, парк Лужники со знаменитым стадионом. Он сейчас реставрируется... А нам идти прямо. пойдём. - И она взяла Тору за руку и направилась дальше.

Тору Мотидзуки

Тору очень любил наблюдать за тем, как Яреци радуется каким-то мелочам, будь то

плеск воды или первые лучи солнца. Даже самые простые вещи своей трогательной реакцией ей удавалось превратить во что-то волшебное, вызывающее у него желание как минимум улыбнуться, а то и вовсе сгрести ее в объятия и прижимать до тех пор пока у нее не начнут хрустеть ребра. Но, к счастью, он умел контролировать большую часть своих эмоциональных проявлений, поэтому ограничивался тем, что стоял рядом и слушал ее милые признания о том, что было до официального начала их отношений.

- Как это нужно было уйти? - Тору изобразил притворное негодование. - Или тебе не нравится, чем все закончилось? Конечно, я же не высокий смазливый блондин. Или какие там мужчины тебя привлекают?

На самом деле Тору не особенно волновало, кто и как нравился Яреци до того момента, как она стала его девушкой. Но он не мог отказать себе в удовольствии немного ее подразнить. Японца забавляло, как в ответ на его слова Яри либо смущалась, либо пыталась доказать что это не так, будто ей действительно было в чем оправдываться.

- Нет, я не голоден. А вот кофе все-таки бы выпил. - Тору крепко сжал руку девушки и направился в указанную сторону. Пожалуй, такой вариант развития событий его устраивал даже больше, чем первоначальный план, поскольку прогулка с Яреци была намного приятнее блуждания в одиночестве.

- Кстати, возвращаясь к предыдущей теме, - Тору не удержался и задал давно напрашивающийся вопрос. - А почему вообще я? Что тебе во мне понравилось? В монастыре немало молодых и симпатичных мужчин, с которыми общаться приятнее и проще, чем со мной. Или, может, ты действительно извращенка?

Глаза Тору хитро блеснули, хотя, несмотря на некоторую несерьезность разговора, заданный вопрос его действительно волновал, и он был бы совсем не против получить на него ответ.

Яреци Фернандез

- Ну как можно жить без завтрака? Нет, ты должен позавтракать, это не обсуждается, - строгим голосом сказала девушка, на секунду останавливаясь и задумчиво глядя вверх. - Пойдем тогда. Мне лень обходить, полезем по земле, как хоббиты, которые шли в Мордор.

Воробьевы горы были усеяны всякими разными тропинками, и пешеходными, и для велосипедистов, и опасными. По одной из таких тропинок Яреци и потащила Тору, надеясь, что они не измажутся в грязи, ничего себе не переломают и вообще вылезут к цивилизации. А около смотровой площадки есть и фуникулер, который, вероятно, как всегда не работает. И там цивилизные, ровные тропинки. И тогда уже можно будет вернуться к ручью.

Земля была скользкая, на некоторых участках из земли торчали корни деревьев, которые будто поджидали путников, чтобы бросить свои коряги под ноги, заставить упасть, поспориться, но Яреци была непреклонна. Она хваталась за деревья, если была вероятность упасть, и протягивала руку Тору, чтобы поддержать его, хотя,

наверное, должно было быть наоборот - он идет спереди, а она сзади. Но она тут облазила все, что можно, инолда гуляла здесь с Пашей, но никогда еще не соглашалась на такие безумные поступки. И она где-то в глубине души боялась, что Тору это не одобрят. Потому что ненормально это...

Наконец, они вышли к цивилизации. Она слегка испуганно посмотрела на Тору, ожидая, что сейчас он обрушится на нее своей критикой, ворчанием, что так делать нельзя.

- Вот, скоро будет смотровая площадка, там есть кафе. А что касается выбора, почему ты... я... не знаю. Опять же можно списать все на шутницу судьбу. Но... просто... я не знаю... мне казалось, что ты другой, что это всего лишь маска... не знаю... но... я не жалею ни о чем, любимый. Спасибо тебе за твое терпение...

Она смущенно опустила голову, почувствовав, что залилась румянцем смущения, покрывшего не только ее щеки, но и вообще все лицо. Она не могла дать ответ на этот вопрос, хотя много раз себе его задавала. Почему ей понравился этот человек? Сначала он вызывал интерес, когда вел занятия, на которых она присутствовала. Потом... это все произошло слишком быстро... но она рядом с ним чувствовала спокойствие, уверенность, силу и нежность. И почему-то она начинала сомневаться, что это розовые очки, которые носят влюблённые девчонки...

Яркая желтая вывеска привлекла ее внимание, и она удивленно выгнула бровь.

- Никогда бы не подумала, что макдак можно впихнуть сюда. Но... как ты относишься к фастфуду? Там кофе очень вкусный, насколько я помню. Даже в шоколаднице не такой. Я буду кофе гляссе и пирожок, - решила она сменить тему, а то тут можно и в лирику удариться. А не хотелось, день обещал быть солнечным, не для лирики, в общем.

Тору Мотидзуки

Решив полностью довериться Яреци и не задумываться о выборе пути, Тору не предполагал, что девушка начнет им крутить, как захочет. Сначала пожурит, как мамочка нерадивого ребенка, не желающего завтракать, а потом и вовсе начнет таскать его за руку, видимо боясь, что он может где-нибудь упасть, забывая о том, что у него никогда не было проблем с удержанием равновесия. И если к вещам подобным первому Тору уже успел как-то привыкнуть, то как реагировать на второе, он не имел ни малейшего понятия. Конечно, ему была приятна забота и беспокойство за целостность его шкуры со стороны девушки, но что-то во всей этой ситуации было неправильно. К несчастью, подобрать подходящие слова Мотидзуки не мог, а поэтому, добравшись до цивилизованных мест, просто молчал и продумывал достойный ответный ход.

Тем временем, Яреци, наконец, решила вернуться к его вопросу, но так и не смогла до конца прояснить ситуацию. По всему выходило, что она и сама не понимала, как ее угораздило влюбиться в тощего ворчливого японца, совершенно не похожего на типичного героя девичьих грез. И Тору надеялся, что когда эйфория начала их отношений пройдет, Яреци не посмотрит на все это трезвым взглядом, не ужаснется и не попытается сбежать от него куда подальше. Ведь к тому времени он не станет

моложе, покладистее и европейстее.

- К фастфуду я отношусь нормально, хоть и нечасто посещаю подобные заведения. Так что если хочешь - пойдем.

Пока Яри рассуждала о том, что она собирается заказать, Тору пришла в голову, как ему показалась, замечательная идея, к реализации которой он немедленно и приступил, приготовившись к нападению на ничего не подозревающую жертву.

- Раз ты меня сюда затащила, то я должен тебя правильно отблагодарить. - Невозмутимое выражение лица удавалось сохранять с трудом, но Мотидзуки очень старался, пытаясь не спугнуть добычу раньше времени. - Желательно, ответив тем же.

Быстрое движение, и вот Тору уже подхватил девушку, перебросил через плечо и, не обращая внимания на ее трепыхания, с довольной ухмылкой потащил в сторону обозначенного ей в качестве цели здания. И пусть их странная парочка со стороны смотрелась диковато, подобные мелочи не могли его смутить и заставить вернуть Яреци на землю.

Яреци Фернандез

Её невнятный ответ на его вопрос, почему она выбрала его, так и остался без комментария, хотя, как она была уверена, за такую невнятную ересь можно было и придумать какое-то наказание. Снова в голову полезли непристойные мысли, и она сглотнула. Откуда у неё в голове столько мыслей, неправильных и странных?

- Я... честно, не знаю, почему я выбрала тебя... я... - она вздохнула, кажется, без лирики сегодня не обойтись. А всё этот глупый вопрос про судьбу. Не ляпнула бы и всё было хорошо. Как всегда - ляпнула и не подумала. - Я в школе почти ни с кем не разговаривала, мне нравилось быть одной, читать книгу или рисовать. Нет, у меня были друзья, с которыми мы иногда бесились, сбегали с уроков, но... я и с Пашей познакомилась только из-за того, что меня учительница попросила ему помочь. Я... сама бы я никогда не смогла просто так подойти и познакомиться. Оболочка? Наверное, все мы влюбляемся в оболочку... но мне был интересен внутренний мир человека. Да и с Максимом... он в моей группе учился... я также познакомилась. Он попросил меня помочь ему... а потом... Впрочем, это уже не важно. А ты... почему мы тогда встретились у того большого дуба, хотя в парке много деревьев? Мне хотелось одиночества, представить героев поэмы Пушкина... а ты, что тебя туда привело? Наверное, тоже желание побыть одному... Но... я уверена, что если бы не было того случая, то... может и не было сейчас всего этого. И я бы спокойно жила в монастыре и, возможно, вообще побоялась бы попросить тебя научить меня работать с тессеном... Было бы скучно и обыденно.

Пока она рассуждала на непростую тему их взаимоотношений, делая выводы, а как могло быть правильно и как должно быть правильно, Тору что-то сказал, и она внимательно посмотрела на него. Он был как всегда серьёзен, но вот глаза... что-то он затевал... она не могла понять, что. Он резко подошёл к ней, и через мгновение она уже висела на его плече.

- Ненормальный! - Взвизгнула она, рассмеявшись, - а ну поставь на место! Поставь, кому сказала! - Она, смеясь, стала колотить его кулаками по спине, стараясь это делать не так сильно. И было очень хорошо, что на этой улице было мало машин, а людей в такую рань не было вовсе. Краснеть не хотелось, да и выглядеть как-то неподобающе она тоже не желала... - Ну поставь меня обратно, я больше не буду, - тихо прошептала она, - мы спустимся нормальными тропинками... ну ты же не войдешь в макдак со мной на плече? Это... это же некультурно..

Тору Мотидзуки

Судя по тому, что Яреци смеялась, да еще и как-то совсем не убедительно била его кулаками по спине, Тору предположил, что подобная форма перемещения в пространстве ей по-своему даже нравится. Вероятно, ее смущала реакция окружающих, но поскольку знакомых в округе не наблюдалось, он посчитал переживания девушки беспочвенными. В конце концов не нарушали же они общественный порядок. Пока не нарушали.

- Почему это некультурно? А если я при этом вежливо здороваюсь? Или в России есть правила, запрещающие входить в общественные места с девушкой на плече? Что-то сомневаюсь.

Наверное, его родные, всегда демонстрирующие максимально корректное поведение и переживающие за общественное мнение, были бы в ужасе, наблюдай они эту картину. Хотя от него, как гадкого утенка семьи, уже давно не ждали беспрекословного следования неписаным нормам и правилам. Как, собственно, не ждали и его самого.

Уже практически у самого входа Тору все же решил смириться и поставить девушку на землю, с особым удовольствием разглядывая ее раскрасневшееся лицо и растрепавшиеся волосы. Такая она нравилась ему ничуть не меньше, если не больше, чем когда представала перед ним в идеально ухоженном виде.

- За время пребывания на моем плече ты даже похорошела, - проговорил Тору, чье лицо по-прежнему оставалось серьезным, хотя хитрый блеск глаз выдавал его истинное настроение.

А затем, наклонившись так, чтобы практически касаться губами ее уха, шепотом добавил:

- Пожалуй, стоит тебя так носить почаще.

После этого, быстро отстранившись и сделав вид будто ничего не было, Тору первым вошел в царство фастфуда и пригласил Яреци следовать за собой. На какое-то время он совершенно забыл, по какой причине изначально собирался на прогулку, полностью растворившись в общей атмосфере легкости и некой игры.

Яреци Фернандез

- А я вот кстати не знаю об этом, - задумалась девушка, отвечая на его вопрос. Просто так никто не делал, все как-то более человечнее входили в кафе и магазины. На своих двоих, держась за руки или обнимаясь. Может, кто-то так и делал, но она

не была уверена, что это вообще допустима. По крайней мере радовало, что в правилах этикета не было об этом ничего написано. Значит, наверное, можно. Хотя кто знает...

Её вот на руках до этого никто не носил, и его предложение, когда он обжигаяще произнёс это ей на ухо, ей понравилось, и она мурлыкнула от удовольствия и зажмурилась. И это прекрасно, что Тору хочет её носить на руках, ей казалось, что любая девчонка мечтает об этом. Да и что скрывать - она сама мечтала о том, что её будет на руках носить прекрасный принц. Ну вот так получилось, что прекрасным в её сознании принцем стал этот японец. И плевать, что на эту тему думают окружающие. Дядя вон вообще влюбился в русскую красавицу, с длинными русыми волосами, пронзительными голубыми глазами, и в результате этой любви появился Маркус...

Она мотнула головой, вздрогнула, вспомнив, что этот человек чуть не разрушил её счастье, и прижалась к Тору. Она, вероятно, ещё долго будет об этом вспоминать, от этого никуда не деться, но она надеялась, что больше такого не произойдёт. Тору очень терпелив, но у всего бывают границы. И пренебрегать этим не стоит.

Они вошли в общепит и заказали себе кофе, пирожок и чизбургер для Тору. Быстро перекусили и, взяв стаканчики с кофе, направились в сторону тропинок, ведущих вниз, на набережную. Со смотровой площадки открывался удивительный вид на стадион, закрытый строительными лесами. А они спускались всё ниже, болтая о чём-то незначительном.

- Кстати, Тору, я хотела с тобой посоветоваться. У нас несколько людей с группы едут во Францию. На неделю майских праздников. Я... хочу тоже поехать, мы посетит Лувр и Версаль... что-то ещё... ты же меняпустишь, любимый? Это просто познавательная экскурсия, хотели сделать в рамках какой-то культурной фигни, типа "года Франции в России". Я не знаю, хочу ли я туда поехать, но вдруг это пригодится в будущем мне как искусствоведа... Вот, собственно, мы пришли.

Они остановились около родника, который родником назвать язык не поворачивается. Из земли торчит труба, из которой льётся вода. Неподалёку лежат бутылки, стаканы, стоит мусорное ведро и даже покосившаяся табличка, на которой со временем ничего не видно. Наверное, этот родник представлял какую-то ценность, а может наоборот табличка предупреждала, что из него пить нельзя. И вода из родника скапливалась и стекала по склону, образуя постоянную маленькую речушку, которая сейчас из-за дождей и таявшего снега стала шире.

- Мы раньше тоже запускали кораблики. На школьном дворе. А потом дворник бегал за нами и заставлял убираться, если кого-то ловил. Но чаще просто недовольно ворчал, - сказала девушка.

Тору Мотидзуки

С перекусом они разобрались достаточно быстро, захватив с собой кофе и направившись к своей первоначальной цели - водоему любой степени паршивости. И тот, к которому в итоге привела Яреци, пусть и не впечатлял чистотой и размерами, вполне подходил для запуска кораблика, о котором Тору, наконец,

вспомнил, отвлекшись от поддразниваний и многозначительных провокационных высказываний. Но прежде чем приступить к спуску бумажного судна на воду, Мотидзуки предпочел подумать на неожиданно обозначенную Яреци тему ее поездки во Францию.

- Если хочешь - езжай. - Тору еще не забыл обвинения в свой адрес о том, что он запрещает девушке общаться с родными и друзьями и вообще желает, чтобы она проводила все свободное время только с ним. Так что своим согласием он пытался в очередной раз подтвердить их беспочвенность. - Но у меня есть две просьбы. Первая - поскольку меня не будет рядом, постарайся не попасть в неприятности. И вторая - не вздумай соблазнять других мужчин, даже случайно или неосознанно. Ну а так, гуляй развлекайся и получай удовольствие от поездки.

Конечно, неделя в одиночестве представлялась не самой заманчивой перспективой, но зато у него появлялась возможность воплотить в жизнь все просьбы и пожелания его младших соратников по додзе, на которые раньше не хватало времени. Да и действительно, не стоило "душить" столь юное создание, еще толком не познавшее вкус свободы, своей любовью.

Рассказ Яреци о ее школьном опыте, напомнил, что кораблик все еще находится в кармане, хотя его уже давно стоило отправить в плавание. Поэтому, больше не мешкая, Тору вытащил его наружу, расправил и несколько раз задумчиво повернул его к себе то одно, то другой стороной.

- Знаешь, как я уже говорил, складывать кораблики меня научила бабушка. И она же придумала ритуал - запускать их каждую весну, нашептав ему перед этим что-то сокровенное, волнующее твое сердце. Не хочешь попробовать? Или просто загадать желание? - Тору вложил кораблик девушке в руку. Сам он уже получил то, о чем раньше мог только мечтать. И не знал, чем поделиться с корабликом. Хотя, если после стольких лет он снова вспомнил об этой традиции, значило ли это, что существовало нечто важное, до конца не осознаваемое, но все еще вызывающее непонятную грусть в его, казалось бы, абсолютно благополучной жизни?

Яреци Фернандес

- Спасибо, - улыбнулась девушка, обняв его, - я буду осторожна, милый. Я больше не буду попадаться в ловушки жизни. Я... ты, наверное, знаешь то замечательное высказывание "увидеть Париж и умереть"... не знаю, чего там такого ужасного или замечательного, но мои родители там не умерли. Я... очень постараюсь не заниматься ничем, что не касается экскурсионной программы и каких-то лекций. А хочешь, я тебе буду звонить или писать? Я всё равно буду писать тебе.

Она была счастлива, и в этот раз она знала, что ни во что не ввяжется, всё будет спокойно. Она будет скучать по Тору, но будет ему присылать фотографии и звонить по вечерам. А ещё она приготовит ему еды и нагладит одежды, чтобы... чтобы он чувствовал, что не одинок...

Её размышления были прерваны голосом Тору. Потом он вложил в её руку кораблик и предложил ей запустить его. Но нет, это был его кораблик, это было его желание, и это он должен его запустить. Он и никто другой. Она нахмурилась и вернула

кораблик хозяину.

- Я... жаль, что я не догадалась взять листы бумаги. Так был бы ещё один кораблик, и всё было бы проще, - она вздохнула, - но я не думаю, что это хорошая мысль. Я... я не знаю, что мне загадать, у меня нет ничего сокровенного. Только чтобы поездка во Францию удалась? Но это и без кораблика известно... - Она запнулась, снова налилась румянцем смущения. - Нет, любимый. Это твой кораблик, тебе и отправлять его в плавание. Назови его "корабль мечты". И пусть он плывёт по этому ручейку и...

Ей показалось, что у него на душе было что-то тяжёлое, чёрное, неуловимое. Ему стало грустно, хоть он и не показывал этого. Вероятно, он скучал по бабушке, которая научила его этой традиции. Яреци хотела сделать что-нибудь, чтобы ему стало легче, теплее, спокойнее. Она хотела загадать это желание, но нет - это его кораблик. И пусть это выглядит и звучит по-детски, но она не будет запускать этот кораблик вместо него.

- Попроси, чтобы у нас с тобой не было больше ссор, что-нибудь такое. И пойдём дальше гулять. А то мне кажется, мы сейчас сядем на камешек и будем разговаривать о нашем прошлом и о том, что терзает наши души. А мне не хочется в такой хороший и тёплый день страдать. Я тебе хочу показать ещё немало мест, где прошли годы моего детства. А это замет много времени - Москва - город большой, - она усмехнулась и отошла от него и отвернулась, чтобы не мешать ему загадывать желание.

Тору Мотидзуки

Во фразе "увидеть Париж и умереть" Тору не нашел ничего замечательного, особенно в контексте намечающейся поездки Яреци. Хотя, в их ситуации, эта фраза скорее означала, что он лично ее прибудет, если она умудрится ввязаться в какие-то неприятности. Но не мог же он постоянно трястись над девушкой, как курица над яйцом. Ему следовало научиться ей доверять, и, в первую очередь, это касалось подобных ситуаций, когда Яри оставалась предоставлена сама себе и должна была самостоятельно отвечать за свои поступки.

От возможности загадать желание Яри отказалась, заставив пожалеть, что ему не пришло в голову взять еще хотя бы один лист бумаги. Но настаивать он не стал, забирая кораблик обратно и снова прокручивая его в руке перед глазами. Он так и не смог определиться, что именно его угнетает, но начал четко ощущать, что это связано, в первую очередь, не с Яреци, а с теми, кто остался где-то в ставшей далекой для него Японии. Ему было двадцать восемь, когда он последний раз сел на самолет в аэропорту Нарита, тогда еще не догадываясь, что пройдет десять лет, а он так и не найдет дорогу обратно. И не увидит тех, кого, несмотря на многочисленные разногласия, считал своей семьей, в очередной раз их разочаровывая...

Его мозг ухватился за последнее слово, формулируя, наконец, то, что так долго не мог облачить в связную мысль. Он больше не хотел никого разочаровывать. Ни тех, кто находился где-то далеко и не желал больше иметь с ним ничего общего, ни эту хрупкую девушку, смотрящую на него сейчас полными нежности глазами. И пусть он

как взрослый человек понимал, что это зависит только от него, ему хотелось по-детски верить в сказку и, в кажущуюся безумной возможность, получить еще один шанс.

Он осторожно спустил кораблик на воду, вернулся к Яреци и обнял левой рукой ее за талию, наблюдая, как бумажный путешественник начал свое неторопливое движение. И, чем дольше он на него смотрел, тем спокойнее становилось у него на душе. В этот момент он искренне поверил, что всем его тревогам суждено уплыть вместе с корабликом, и что дальше все окончательно наладится и будет именно так, как и должно быть...
